
Почему рухнул советский социализм

Рецензия на книгу: Лу Айго (2025) Советский Союз.

Причины распада и уроки. Пекин: Саньянь шу дянь (на китайском).

В.В. ПОПОВ*

***Владимир Викторович Попов** – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия, vpopov@nes.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0428-3725>

Цитирование: Попов В.В. (2026) Почему рухнул советский социализм // Мир России. Т. 35. № 1. С. 184–200. DOI: 10.17323/1811-038X-2026-35-1-184-200

Аннотация

В Китае нет недостатка в исследованиях, касающихся распада СССР и советского социализма. Чаще всего эксперты вскрывают недостатки советской модели – замедление экономического роста, снижение эффективности, утрата социального динамизма, сокращение продолжительности жизни, иными словами, указывают на объективные факторы, свидетельствующие о том, что распад Советского Союза не был случайностью.

На этом фоне резко выделяется книга Лу Айго «Советский Союз. Причины распада и уроки». Автор резонно отмечает, что проблемы в СССР были всегда, особенно в 1930-е годы, не говоря уже о периоде Великой Отечественной войны, но ни развала страны, ни потери власти КПСС тогда не произошло. В книге доказывается, что не Коммунистическая партия СССР потеряла поддержку народа, а народ потерял контроль над руководством Коммунистической партии и государства. Основная мысль автора состоит в том, что социализм по определению – общество с низким неравенством, где уровень жизни государственной и бизнес-элиты всегда ниже в сравнении с капиталистическими странами того же уровня развития, поэтому нужны специальные механизмы для подчинения элиты интересам большинства народа.

Ключевые слова: советский социализм, распад СССР, уроки для Китая, экономическое соревнование социализма и капитализма, общественное мнение и элита в демократиях и автократиях

В Китае достаточное количество исследований, описывающих распад СССР и крах советского социализма, а также работ, авторы которых анализируют уроки

этой катастрофы для Китая. В статье китайского советолога Цзо Фэнжуна «Обзор китайских исследований, касающихся распада Советского Союза» говорится, что эксперты в целом признают прямую ответственность М.С. Горбачева в отношении краха СССР, но отрицают тот факт, что причиной этого стало только предательство нескольких лидеров [Zuo Fengrong 2022]. Параллельно они вскрывают пороки советской модели – неспособность стимулировать энтузиазм и творчество масс, замедление темпов экономического роста и снижение эффективности – факторы, не позволяющие считать, что развал СССР оказался случайностью. «Исследователи показали, что крах СССР наступил именно из-за того, что КПСС потеряла народную поддержку», – пишет Цзо Фэнжун [Zuo Fengrong 2022].

В этом контексте обращает на себя внимание книга Лу Айго «Советский Союз. Причины распада и уроки», где автор доказывает прямо противоположное: не КПСС потеряла поддержку народа, а народ потерял контроль над руководством Компартии и государства. Главная мысль автора заключается в том, что СССР развалился не от внутренних проблем (хотя их и было достаточно), а из-за изменения курса, инициированного элитой, из-за «червотчины в сердце» (если использовать известную китайскую идиому, которая примерно соответствует русскому «рыба гниет с головы»).

Китайские тексты переводить достаточно сложно. Даже не из-за идиом и игры слов, а ввиду огромного исторического и культурного наследия, знакомого каждому китайцу со школьной скамьи. Как утверждают историки, китайская цивилизация отличается от других в том числе и огромным массивом древних рукописей – письменных документов-памятников, фиксирующих историю страны на протяжении пяти тысячелетий. В бесприммерно многочисленных письменных сочинениях и исторических повествованиях, многие из которых дошли до нас в редакции Конфуция (VI–V вв. до н. э.), детальность описания событий и фактов тоже беспрецедентна. Как считают историки, по охвату событий и фактографической насыщенности китайское историописание не имеет сколько-нибудь близких аналогов в мировом письменном наследии.

Автору этой рецензии неоднократно доводилось проверять, как молодые китайцы знают свою литературу и историю, и каждый раз приходилось удивляться, насколько хорошо. Поэтому при дословном переводе китайских авторов иностранные читатели, к сожалению, упускают множество смыслов, параллелей и аллюзий. Вот и «червотчина в сердце» – не просто идиома. Обстоятельства, сделавшие повсеместно известным это выражение, примечательны. Цзэн Гофань, военачальник, государственный деятель и писатель, в 1867 г., будучи губернатором провинции Цзянси, предсказал падение цинской династии и хаос. «Я боюсь, что произойдут внезапные перемены. Если сердце не прогнило, крах не наступит. Я предполагаю, что <...> власть будет свергнута, а затем государство останется без господина, и люди будут править сами. Это случится менее, чем через 50 лет!» [Лу 2025, с. 58]. Так и случилось: династии Цин не стало в 1911 г., страна вскоре распалась, огромные территории были захвачены японцами. «Прогнившее сердце» – это как раз и про развал руководящего ядра страны в Советском Союзе, считает Лу Айго; без этого условия социалистическая система никогда бы не рухнула так быстро.

В книге «Советский Союз. Причины распада и уроки» рассматриваются традиционные объяснения развала СССР – экономические трудности, межнациональные трения, застойность политической системы, общественное недовольство, внешние факторы и прочее. Фактически Лу Айго обсуждает весьма популярный

у западных экспертов в горбачевский период вопрос: был ли советский социализм реформируем или его крах был неизбежен. Ответ автора однозначен: никакой неотвратимости не было. Да, реформы были нужны и могли завершиться успешно, как в Китае в 1970–1980-е гг., но даже без реформ кризис в СССР, если и назревал, то только через пару десятилетий.

Собственно говоря, это понятно сегодня из-за захватывающего дух успеха китайской модели. Многие, конечно, скажут, что Китай уже перешел от социализма к капитализму¹. Возможно и так, но результаты такого перехода и успех Компартии Китая, безусловно, заворажают [Попов 2025]. Не удивительно, что китайские ученые так озабочены выяснением причин развала СССР и краха советского социализма. Если им удастся раскрыть эту тайну, Китай под руководством Компартии сможет стать лидером мира, а китайская модель распространится по всей планете.

Как пишет Лу Айго, развал СССР – уникальный случай, мало какое событие в истории может с ним сравниться. «Это сочетание смены режима, институциональной реформы и распада государства, причем эти радикальные политические и социальные изменения были осуществлены ненасильственным, мирным путем – не было ни войны, ни военного противостояния, ни крупномасштабного кровавого конфликта, ни даже масштабных социальных беспорядков. Очень примерная аналогия – “славная революция” в Великобритании 1668 г., в ходе которой власть перешла от монарха к парламенту. Но если мирный переход Великобритании от феодализма к капитализму имеет все основания называться “славной революцией”, то советскую реформу, начатую Горбачевым и мирно завершившую исторический регресс от социализма к капитализму, можно смело назвать “позорной революцией”. Сможет ли будущая социалистическая система преодолеть различные проблемы и препятствия на своем пути и избежать повторения ошибок Советского Союза? Это во многом зависит от того, сможем ли мы правильно понять причины распада Советского Союза и извлечь из этого соответствующие исторические уроки» [Лу 2025, Вступление к Части IV, с. 209–210].

«Если капитализм неизбежно порождает “своего собственного могильщика” – пролетариат, то, к сожалению, распад Советского Союза показывает, что и советская социалистическая система породила своего собственного могильщика – бюрократический привилегированный класс в лице высших руководителей партии и правительства. <...> Внутри советской системы выросла чуждая правящая группа, которая была настроена против системы и, когда условия позволили, нанесла смертельный удар по советской социалистической системе, что привело к распаду Советского Союза» [Лу 2025, с. 5]².

¹ О фундаментальных отличиях китайской модели капитализма от либеральной западной см. [Попов 2020; Попов 2025, часть 5]. Главное отличие – низкое неравенство в распределении доходов и богатства. Как показано в упомянутых работах, джини-коэффициенты неравенства (при коррекции на размеры страны и неравенство внутри провинций и между провинциями) существенно ниже, чем в схожих по уровню развития странах.

² Эта мысль повторяется автором многократно. «Мое основное суждение, – пишет Лу Айго, – заключается в том, что распад Советского Союза стал спланированным результатом руководства и полной реализацией планов высших партийных и государственных руководителей Советского Союза. В этом процессе они использовали партийную и государственную власть, находившуюся в их руках, применили все возможные законные и незаконные средства, умело эксплуатировали проблемы советской системы, постоянно создавали новые условия для преобразований и изменений, мобилизовали и получили поддержку некоторых общественных сил, особенно элиты высшего класса, и шаг за шагом подталкивали Советский Союз на путь необратимых институциональных преобразований, что в конечном итоге привело к распаду страны и краху социалистической системы. Таким образом, можно сказать, что крах советского социализма был прямым результатом антисистемного движения, инициированного и полностью реализованного советским партийно-государственным руководством» [Лу 2025, «Предисловие», с. 7].

Насколько Лу Айго уверена в эпохальности развала СССР для судеб цивилизации, настолько же она скромна в оценке своего вклада в объяснение этого грандиозного события. Говорят, что в 1970-х гг. кто-то спросил премьера Чжоу Эньлая, что он думает об исторической роли Французской революции, произошедшей 200 лет назад, и премьер Чжоу ответил: «Пока что слишком рано судить». Это утверждение, считает Лу Айго, применимо и к распаду Советского Союза в конце XX в.

Почему советская элита хотела перейти к капитализму

«Хотя высший класс в Советском Союзе, – пишет автор, – пользовался различными привилегиями, а его уровень жизни был намного выше, чем у простых людей в их собственной стране, по сравнению с высшей элитой капиталистической системы (то есть с «международным стандартом»), он был относительно беден» [Лу 2025, с. 175].

В мире капитализма топ-менеджеры корпораций, не говоря уже о собственниках, получают примерно одинаковые доходы в богатых и бедных странах, а вот разрыв в зарплате рабочих, особенно неквалифицированных, в богатых и бедных странах огромен. Единственное исключение из этого правила – страны социализма, где государственные чиновники и управляющие госпредприятиями получали хотя и больше рабочих, но значительно меньше своих коллег в капстранах, и таким образом чувствовали себя обделенными.

«<...> заработная плата высших партийных и государственных деятелей в Советском Союзе превышала минимальную заработную плату рабочих минимум в 20–30 раз, а максимум – в 40–50 раз³. Этот разрыв кажется огромным, но в советской системе зарплаты и другие сопутствующие субсидии были единственным законным источником дохода почти для всех, включая чиновников. <...> Кроме того, преимущество в заработной плате руководителей партии и правительства не столь очевидно по сравнению со специалистами и техническими работниками того же уровня. Поэтому, если только они не прибегали к незаконным методам, таким как коррупция и взяточничество, членам привилегированного класса было трудно получить какой-либо скрытый доход, кроме четко оговоренных заработной платы и социальных привилегий. Существовал установленный законом потолок доходов всех должностных лиц, включая высшее руководство. В то же время и что, возможно, еще более важно, их привилегированное положение в основном давало только возможность большего потребления для них самих и их семей, и его трудно или невозможно было превратить в накопление частного богатства, которое могло бы передаваться из поколения в поколение» [Лу 2025, Глава VII, с. 176–177].

«С одной стороны, советская социалистическая система создала привилегированный бюрократический класс, который пользовался статусом и привилегиями, превосходящими другие социальные группы; с другой стороны, это не могло удовлетворить их потребности, так как их способность приобретать неограниченное богатство и передавать его из поколения в поколение была ограничена. <...>

³ Автор, похоже, преувеличивает: минимальная зарплата в СССР в 1972–1991 гг. – 70 руб., зарплата министра – 800 руб. Даже с учетом государственных дач, санаториев, машин с шоферами и прочих привилегий высшей бюрократии разрыв в 50 раз кажется преувеличением.

Таким образом, являясь продуктом советской социалистической системы, эта руководящая группа постепенно превратилась в самую мощную чуждую силу внутри самой системы. Если у советской системы и был фатальный недостаток, так это то, что она создала руководящую группу и привилегированный класс, которые занимали высокое положение в системе, но не могли быть эффективно ограничены и тем самым превратились в ее собственных могильщиков. Социалистическая система, возможно, отвечала интересам трудящихся масс, но она, очевидно, не могла удовлетворить бесконечную жадность привилегированного класса» [Лу 2025, Глава VII, с. 7].

Единственное, что могло примирить советский бюрократический класс с ограничениями его привилегий в рамках социалистической системы – это социальный динамизм, быстрые темпы догоняющего развития, позволявшие надеяться на то, что более конкурентоспособная советская система вскоре обгонит капитализм, поэтому все население – от простых рабочих до элиты – станет жить лучше, чем при капитализме. Так и было в 1950–1960-е гг., когда СССР быстро сокращал разрыв с развитыми капиталистическими странами в уровне производительности труда и подушевых доходов. Но с середины 1970-х гг. произошло замедление роста, а разрыв перестал сокращаться (*рисунок 1*). Лу Айго, обращая внимание на замедление роста в СССР в 1970–1980-е гг., ссылается на автора этой рецензии, объясняющего, как менялось мировосприятие советского правящего класса [Попов 2014а].

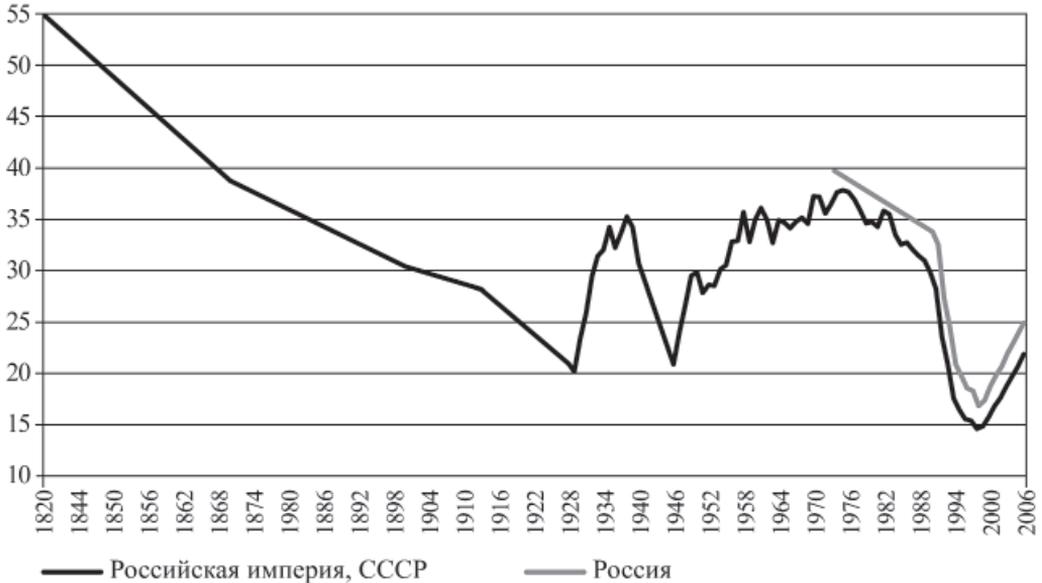

Рисунок 1. ВВП на душу населения в Российской империи, СССР и России, % к уровню ВВП США⁴

⁴ Источник: [Maddison 2020].

«Рассказывают⁵, что в 1964 г. после официальных переговоров министров связи Гондураса и СССР в Тегусигальпе гондурасский министр, г-н Родригес, пригласил гостя, г-на Иванова, к себе на асьенду недалеко от столицы. Он показал г-ну Иванову свое небольшое поместье площадью около 5 га с фруктовым садом, особняк с 7 спальнями на втором этаже, бассейн, гараж с коллекционными лимузинами, помещения для многочисленной прислуги. Вечером на обеде г-н Иванов с удовольствием отведал экзотические блюда, многие из них – впервые в жизни. Г-н Родригес показал фото своих детей, которые учились в Гарварде и Принстоне. На следующий день была прогулка на одном из раритетных лимузинов и рыбалка на личной яхте г-на Родригеса. Г-н Иванов в Москве жил на порядок скромнее, но не особенно завидовал г-ну Родригесу. Он знал, что народ Гондураса беден, многие в стране голодают, а продолжительность жизни в Гондурасе составляет всего 50 лет против 70 лет в СССР; что советские, а не гондурасские ученые получают нобелевские премии, что первый искусственный спутник Земли и первый космонавт в мире – советские. Наши подводные лодки бороздят Мировой океан, – думал г-н Иванов, – мы обогнали всех “даже в области балета”, мы сокращаем разрыв с Западом по уровню экономического развития, а в социальной области наше рабоче-крестьянское государство строит социализм с человеческим лицом – первое в истории новое общество социального равенства и справедливости. Г-н Иванов гордился достижениями своей страны и ее социальным динамизмом.

20 лет спустя, в 1984 г., преемник г-на Иванова на посту министра связи и коммуникаций г-н Петров посетил Гондурас для переговоров со своим визави, министром Гонзалесом, преемником г-на Родригеса. Он был неприятно удивлен и даже раздражен тем, что увидел. Он узнал, что продолжительность жизни в Гондурасе выросла за последние два десятилетия с 50 до 65 лет, тогда как в СССР за то же время продолжительность жизни не только не выросла, но даже и сократилась, так что едва-едва выше, чем в Гондурасе. Да, Советский Союз был более развит экономически и технологически, но г-н Петров хорошо понимал, что он лично, похоже, никогда не будет жить так хорошо, как г-н Гонзалес. И он спрашивал себя – почему? Разве он не заслужил того, что имел г-н Гонзалес? Чьи подводные лодки бороздят Мировой океан, в конце концов? Кто впереди планеты всей в науке и искусстве, в космосе и балете, Гондурас или СССР?

Раньше Советский Союз рос быстрее, чем Запад, так что мы были уверены, что наши трудности временные и что мы скоро догоним богатые страны. Раньше мы видели свет в конце туннеля и были готовы терпеть лишения ради высших целей добра и справедливости. А теперь, если мы уже не догоняем Запад, зачем нам страдать и терпеть? К черту социализм! Может быть, это и прогрессивная социальная система, но не для меня. При капитализме в СССР я лично буду жить лучше, чем все министры Гондураса вместе взятые» [Попов 2014а, с. 49–50].

Так менялось отношение советской элиты к социализму в 1970–1980-е гг., когда командная советская система утратила свой динамизм. Ранее эта элита – политическая, техническая, интеллектуальная – была лояльна режиму, несмотря на более низкий, чем на Западе, уровень жизни. Ее энтузиазм питал именно социальный динамизм, сокращение разрыва в уровнях экономического и социального

⁵ Совпадения с реальными историческими персонажами и событиями – чистая случайность.

развития, вера в то, что социализм как более прогрессивная система превзойдет в конце концов капитализм по всем показателям. Эта вера, однако, была поколеблена снижением темпов роста в 1970–1980-е гг., приведшим в итоге к застою.

Экономическое соревнование капитализма и социализма

«Опыт Советского Союза с момента его успешного создания до его окончательного распада показывает, что социалистическая модель развития Советского Союза, как путь развития, отличный от капитализма, является и осуществимой, и обратимой, то есть всегда существует возможность повернуть вспять. <...> Даже после многих лет быстрого экономического развития Советский Союз (и другие социалистические страны) все еще имел значительный разрыв в уровне производительности по сравнению с наиболее развитыми капиталистическими странами мира, не говоря уже о достижении самого высокого уровня производительности в мире. Развитые капиталистические страны сохранили определенную тенденцию к росту, по крайней мере до сих пор, с помощью технологических инноваций и других способов использования ресурсов, а также серии реформ в социальной сфере. <...> Производительность труда при социализме, таким образом, еще не достигла точки, совершенно несовместимой с оболочкой капитализма. <...> Если бы производительность труда в Советском Союзе достигла самого высокого уровня в мире, богатство текло бы рекой, а его народ наслаждался бы самой богатой материальной и духовной жизнью в мире, не было бы и речи о том, чтобы повернуть развитие социализма вспять» [Лу 2025, Глава IX, с. 229].

Для сторонников социализма в СССР и мире этот вопрос, видимо, важнее всего. Если бы только советская система смогла догнать и перегнать Запад по производительности труда, то вопрос «кто-кого» был бы решен раз и навсегда, а элите не было бы смысла изменять народу. «Производительность труда, – писал Ленин в 1919 г., – это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда» [Ленин 1970, т. 39, с. 21]. Но для китайских авторов, похоже, вопрос о том, как добиться самой высокой производительности труда, второстепенный: Китай растет быстрее всех, будь то при плановой системе или при рыночной, и пока что успешно догоняет развитый Запад.

Секрет китайского успеха, возможно, заключается в том, что у плановой системы существует неумолимый жизненный цикл: через 20–30 лет после «большого толчка» наступает время обновления основного капитала, и тогда имманентно присущие централизованному планированию диспропорции становятся особенно обременительными и ведут к потере экономического и социального динамизма [Попов 2007; Попов 2025, часть 2; Лу 1999].

Из этого, в частности, следует, что, если и была необходимость ввести плановую систему в начале 1930-х гг. для осуществления «большого толчка», ее надо было реформировать в 1960-е гг., после того как ее основные достоинства были уже исчерпаны. Азиатский путь (Китай и Вьетнам, где плановая экономика сложилась

только после Второй мировой войны) и в этой сфере выглядит предпочтительным: так, в Китае рыночные реформы начались в 1979 г., во Вьетнаме – в 1986 г. В то же время странам Восточной Европы, где плановая экономика просуществовала более четырех десятилетий (1945/1950–1990), и в особенности СССР, имевшему плановую экономику дольше всех, более 60 лет (1929–1991), пришлось испытать негативные последствия «старения» плановой системы в полной мере. Наилучшим вариантом для СССР и в 1960-е, и в 1970-е, и в 1980-е гг. был бы переход к рынку по китайскому варианту, причем чем раньше, тем лучше. Если бы это случилось в 1960-е гг., то, наверное, произошло бы ускорение роста, как в Китае [Попов 2007; Попов 2021; Попов 2025, часть 2].

Почему переход к капитализму произошел без сопротивления масс

По какой причине высшему руководству Советского Союза удалось успешно достичь своей цели – свержения советской системы и развала страны – всего за несколько лет? Это вопрос, который, похоже, более всего волнует китайских интеллектуалов. Если «временные трудности роста», как в СССР в 1970–1980-е гг., причем даже не кризис, не падение производства, а просто замедление роста, приостановившее сокращение разрыва с Западом по уровню производительности, могут за несколько лет привести к развалу социалистической системы, то, значит, какие-то механизмы, обеспечивавшие прежде стабильность, отказали. Какие именно?

Если вдруг по каким-то причинам, может быть, даже внешним, не внутренним, быстрый китайский рост прекратится, как в таком случае избежать советского сценария? Ведь большинству населения социализм все равно выгоднее, чем капитализм, увеличивающий доходное и имущественное неравенство и дающий выгоды элите, а не народу. Как сделать так, чтобы мнение народа – большинства – заставило элиту отказаться от антисоциалистических планов?

Целая глава книги Лу Айго посвящена доказательству того, что правящая группа в СССР в конце 1980-х гг. фактически пошла против общественного мнения [Лу 2025, Глава VI]. Данные опросов свидетельствуют, что большинство населения в конце 1980-х и даже в начале 1990-х гг. выступало против перехода к капитализму, против частной собственности, против приватизации и против развала СССР.

«Если бы Горбачев с самого начала ясно дал понять, что конечной целью его реформ является не совершенствование социализма, а полное изменение мира и замена социализма капитализмом, ситуация, вероятно, была бы совсем иной. <...> Даже более радикальному лидеру-реформатору Ельцину нелегко было раскрыть свое истинное лицо реставратора капитализма. Даже став президентом России и начав активно продвигать приватизацию, либерализацию и маркетинговую, он никогда публично не заявлял, что заменит социалистическую систему капиталистической. <...> Фактически, он и его ближайшие соратники никогда публично не использовали слово “капитализм”. Николай Рыжков, занимавший пост премьер-министра Советского Союза с 1985 по 1990 г. и бывший главным оппонентом Ельцина на президентских выборах в июне 1991 г., позже жаловался, что Ельцин

и его союзники “ни словом не обмолвились” о запланированных ими крупных социально-экономических изменениях. Хотя некоторые интеллектуалы, особенно некоторые экономисты, открыто выступали за капитализм, Ельцин и его коллеги публично этого не поддерживали. <...>

27 июля 1990 г. опрос среди 1864 представителей основных слоев и групп населения, в том числе 166 партийных работников, показал, что 51% людей выразили свою лояльность социалистическому выбору, в то время как 32% не готовы его принять; 60% отрицательно относились к частной собственности, допускающей использование наемного труда без ограничений, а 20% – положительно; 65% выступили против разрешения безработицы, и только 18% выступили «за». <...>

Впоследствии, в мае 1991 г., за месяц до избрания Ельцина президентом, масштабный опрос общественного мнения в европейском регионе России показал, что большинство людей поддерживают демократический социализм. 54% согласились с социализмом, а еще 23% респондентов выбрали шведскую модель. Лишь менее 1/5 людей одобряли относительно не регулируемый капитализм, а это была именно та система, которую высшее руководство планировало и в конечном итоге реализовало» [Лу 2025, Глава VI, с. 121].

Автор даже ссылается на известного советского диссидента А.А. Зиновьева, который «убедительно показывает, что почти никто в стране (за немногими исключениями) никогда не думал о каком-либо переходе от коммунизма к капитализму. Даже мошенники никогда не думали об этом, потому что были советскими мошенниками, то есть имели возможность наживаться нечестным путем, опираясь именно на условия советского общества. Идея перехода к капитализму появилась позже и пришла из верхов, извне, а не из низов общества» [Лу 2025, с. 121–122]. На первом в истории СССР референдуме по вопросу о сохранении Союза только шесть республик (три страны Балтии (Литва, Латвия и Эстония), Армения, Грузия и Молдова) с общим населением менее 20 млн чел. из 287 млн советских граждан бойкотировали референдум или проголосовали против, при этом около 76% советских граждан проголосовали за сохранение Союза.

Автор ссылается и на исследование, касающееся отношения к приватизации полтора десятилетия спустя после развала СССР, в 2006 г. [Denisova et al. 2012]. Даже тогда опрос 28 тыс. чел. в 28 бывших социалистических странах показал, что большинство поддерживало идею отмены приватизации.

«Авторы считают, что такая позиция обусловлена различными факторами, такими как предпочтение государственной собственности и сомнения в законности приватизации. Это показывает, что полномасштабное продвижение приватизации – это целиком и полностью воля и решение высших лиц, принимающих решения, и их руководящей группы. Это не только не отражало общественного мнения, но и противоречило ему. Конечно, независимо от того, насколько сильно люди противились или не соглашались, приватизация в конечном итоге была завершена после распада Советского Союза, заложив экономическую основу для восстановления капиталистической системы и таким образом воплотив в жизнь изначальные идеи реформ Горбачева» [Лу 2025, Глава VI, с. 122].

Как же получилось, что всего лишь за несколько лет реформ в СССР и Восточной Европе политическая ориентация населения сильно сдвинулась вправо, несмотря на то, что реформы привели к ухудшению экономического и социального положения абсолютного большинства населения? Действительно, опросы

населения 1989–1990 гг. в СССР фиксировали в целом отрицательное отношение к капитализму: большинство явно не хотело торговли землей, хотя и поддерживало семейные фермы, и не питало симпатий к кооперативам, которые в то время продавали продукцию по рыночным ценам и были прикрытием и эвфемизмом для частных предприятий⁶. А всего лишь год спустя, в 1991 г., население, поддержав Б.Н. Ельцина на выборах, фактически одобрило его программу радикальных реформ – шокотерапию с быстрым дерегулированием цен и приватизацией [Попов 2025, часть 5].

Ответ, видимо, кроется в контроле элиты над средствами массовой информации (СМИ). Если правящий класс решает сменить ориентацию и переформатировать общественное мнение, то при контроле над СМИ это становится возможным. Как говорил Авраам Линкольн, можно обманывать часть народа все время, и весь народ некоторое время, но нельзя обманывать весь народ все время. Наверное, так и есть, если обманывать всех слишком долго, то случится революция, но вот это «слишком долго» может исчисляться десятилетиями. Причем это правило относится ко всем странам, в том числе и к демократическим с самой широкой свободой слова.

Демократия не гарантирует контроля народа над правящим классом

В XIX в. в западных странах именно богатые и образованные, находившиеся тогда на правом фланге политического спектра (меньше налогов, меньше государства, меньше социальных программ), ограничивали избирательные права населения (имущественный ценз, образовательный ценз, ценз оседлости, недопущение к выборам негров и женщин). В Европе в начале XIX в. при введении выборов право голоса было предоставлено лишь нескольким процентам мужского населения. Расширение этой группы привилегированных шло медленно, поэтому даже в конце XIX в. правом голоса обладало относительное меньшинство мужского населения. Правящий класс боялся, что предоставление избирательных прав низшим слоям приведет к избранию социалистических правительств, которые займутся перераспределением собственности и доходов через национализацию частных предприятий и прогрессивное налогообложение. Как сказал когда-то один британский политик: «Богатых всегда меньше, чем бедных, а защищать надо именно права меньшинств».

Однако оказалось, что при контроле над средствами массовой информации убедить людей не голосовать за перераспределение богатства и доходов не так сложно, и поэтому введение всеобщего избирательного права не представляет прямой угрозы всевластию богатого меньшинства. Богатые в XX в. постепенно согласились на предоставление права голоса неимущим, женщинам, неграм, а сейчас, в XXI в., эти же богатые и образованные переместились на левый фланг и требуют избирательных прав для всех, включая нарушителей закона и иммигрантов без гражданства.

⁶ 47% опрошенных поддерживали идею частных предприятий, но более 50% считали, что эти предприятия должны быть мелкими, семейными и без прав найма рабочих. 2/3 опрошенных считали, что именно госпредприятия должны преобладать в будущей советской экономике [«Известия». 26.02.1990; «Аргументы и факты». 1990. № 21; «Экономика и жизнь». 02.11.1990].

Почему бедные голосуют за решения (скажем, против прогрессивного налогообложения), которые очевидно противоречат их интересам? Почему, вопреки фактам и логике, в массовом сознании сохраняются иррациональные стереотипы: высокие налоги и большое государство вредны для экономического роста, а вероятность быстрого обогащения выше, чем вероятность выиграть от прогрессивных налогов. Главное, видимо, состоит в том, что эти стереотипы создаются и поддерживаются политической системой и средствами массовой информации, которые в значительной степени контролируются частным капиталом [Попов 2014а].

В знаменитой «Одноэтажной Америке» Илья Ильф и Евгений Петров рассказывают, как в Аризоне в 1935 г. безработный американец предложил рецепт создания справедливого общества:

«– Надо отобрать у богатых людей их богатства. <...> Отобрать деньги и оставить им только по пять миллионов.

Мы спросили, не много ли это – по пять миллионов.

Но он был тверд.

– Нет, надо им все-таки оставить по пять миллионов. Меньше нельзя. <...>

– Ну, как вы думаете, почему этот несчастный человек хочет оставить миллионерам по пяти миллионов? – спросил мистер Адамс, всезнающий компаньон советских журналистов очень прогрессивных убеждений. – Не знаете? Ну, так я вам скажу. В глубине души он еще надеется, что сам когда-нибудь станет миллионером. Американское воспитание – это страшная вещь, сэры!» [Ильф, Петров 1961, с. 243, 245–246].

Джозеф Стиглиц, нобелевский лауреат по экономике и бывший главный экономист Всемирного банка, в книге о неравенстве [Stiglitz 2012] как раз исследует этот парадокс: в демократическом обществе даже скромные меры по ограничению крупных состояний (прогрессивный налог на доходы, например) не поддерживаются большинством населения, хотя и соответствуют его интересам. Без специальных ограничений на участие частного капитала в СМИ, в рекламе и на выборах владельцы крупных состояний без труда навязывают массовому сознанию представления, соответствующие их интересам и не соответствующие интересам большинства. Выборы формально проводятся по принципу «один человек – один голос», но их результаты фактически соответствуют выборам в акционерной фирме, в которой один голос стоит один доллар.

Исследования выборов в американский конгресс [Jacobson 1978] показывают, что расходы на избирательную кампанию во многом объясняют победу кандидатов, особенно новых кандидатов, не занимающих выборных должностей. Но дело, конечно, не только в непосредственном финансировании избирательных кампаний, но и в финансировании средств массовой информации, неприбыльных организаций, политических партий и ассоциаций, научных исследований, рекламы и многого другого, что формирует общественное мнение. Каждый избиратель стремится к максимизации своего благополучия, но как этого достичь, за каких кандидатов голосовать – это в значительной, если не в решающей, степени определяется господствующими стереотипами, в формировании которых финансовая поддержка играет первостепенную роль.

Совершенно очевидно, например, что большая часть населения выиграет от введения прогрессивного подоходного налога, что вероятность разбогатеть

так, чтобы платить подоходный налог по самой высокой ставке, меньше, чем вероятность выиграть от высокого подоходного налога через больший доступ к общественным благам (образованию, здравоохранению и лучшему социальному обеспечению). Но большинство, тем не менее, выступает против крутой прогрессии налоговых ставок.

Также несомненным представляется тот факт, что введение бесплатного образования и здравоохранения отвечает интересам большей части населения, однако в развивающихся странах такая система встречается крайне редко. Для максимального увеличения средней продолжительности жизни (если считать, что жизнь олигарха так же ценна, как и жизнь бедняка) ограниченные ресурсы, которые общество готово выделить на здравоохранение, надо, конечно же, распределять равномерно, точнее, только в соответствии с медицинскими показаниями. Но во всех западных демократиях, особенно в США, даже при наличии бесплатного минимума медуслуг богатые могут получить лучшую медицинскую помощь. Собственно говоря, бесплатное здравоохранение и образование в бедных странах вводилось только социалистическими правительствами, считающимися авторитарными (СССР, Китай, Куба и другие), а в демократических странах того же уровня развития эти услуги были в значительной степени платными, так что продолжительность жизни и уровень образования там были ниже. Страны с социалистическим прошлым даже в 2000 г. имели продолжительность жизни в среднем на пять лет больше, чем другие с таким же уровнем подушевого дохода [Popov 2018].

Изменить стереотипы общественного сознания при контроле капитала над СМИ крайне трудно. В одном из исследований [Gentzkow, Shapiro 2010] доказывалось, что предвзятость прессы объясняется не политической ориентацией собственника газеты, а предпочтениями электората: в избирательных округах, традиционно голосующих, например, за республиканцев, газеты обнаруживают именно республиканскую ориентацию, так как читателям больше нравится находить подтверждение (а не опровержение) своих взглядов, а прибыли газет (доходы от рекламы) зависят от тиража. Получается замкнутый круг: консервативные избиратели любят информацию, подтверждающую их взгляды → СМИ, заинтересованные в повышении тиража, услужливо эту информацию предоставляют → избиратели еще более укрепляются в своих консервативных взглядах. Соответственно, тот, кто осуществляет контроль над информацией, контролирует и общественное мнение — и результаты выборов в демократиях, и настроения населения в авторитарных странах. Представления о будущем формируются по большей части на основе экстраполяции прошлых тенденций (адаптивные ожидания), а собственные возможности и способности, как правило, сильно переоцениваются (противоречивая вера широких слоев населения в 1990-е гг. в сохранение низкого неравенства и в собственный экономический успех одновременно). В условиях же незрелой демократии (без эффективных барьеров для участия частного капитала в политике) средства массовой информации и избирательные кампании курируются владельцами крупных состояний и лицами с высокими доходами, тогда и возникает замкнутый круг: элита в соцстранах хочет перехода к капитализму для большего обогащения, рыночные реформы и частная собственность рожают класс богатых («олигархов»), которые не только заинтересованы в поддержании своего экономического и политического влияния, но и обладают рычагами давления через СМИ и демократические выборы [Попов 2014а].

Как же народ может контролировать СМИ, партийный и государственный аппарат, чтобы не допустить переориентации элиты на капитализм, если социалистическая система по каким-то причинам, пусть хоть и временно, теряет свой социальный динамизм? Все лидеры социалистических стран, похоже, понимали, чем грозит потеря контроля над аппаратом. «Без “аппарата” мы бы давно погибли, – писал Ленин в 1921 г. – Без систематической и упорной борьбы за улучшение аппарата мы погибнем до создания базы социализма» [Ленин 1970, т. 43, с. 381]. Сталинские репрессии против элиты и аппарата, если вообще имели какое-то рациональное объяснение, возможно, имели своей целью сохранение лояльности правящего класса.

Николай Петрович Шмелев, известный писатель и экономист – «прораб перестройки», статьями которого в период гласности (конец 1980-х гг.) зачитывалась вся страна, считал, что создание совнархозов в 1957 г., которое, как считали многие, не имело никакого экономического смысла, на самом деле было продиктовано соображениями политической борьбы. В тот период Н.С. Хрущев стремился преодолеть сопротивление министерской бюрократии и решил создать «две партии» – по сельскому хозяйству и промышленности (а в перспективе хотел создать шесть – по птицеводству, свиноводству и т. д.) [Попов 2014b]. Да и китайская «культурная революция», возможно, тоже имела целью предотвращение бюрократизации аппарата. Интересно, что Мао Цзедун в самом конце жизни назвал «культурную революцию» одним из своих двух главных достижений⁷.

Но, строго говоря, ответа на вопрос, как контролировать аппарат и как предотвратить переориентацию социалистического правящего класса на капитализм, в рецензируемой книге нет. И, похоже, его нет пока ни в других книгах, ни в самой жизни.

Вместо заключения: социализм умер, да здравствует социализм?

«Советский Союз не справился с важнейшей проблемой – как обуздать привилегированный класс, как контролировать высших руководителей, – и таким образом не смог избежать исторического провала. <...> Роковой недостаток советской системы заключается в том, что она не создала механизма, который позволил бы народу по-настоящему осуществлять свою власть как хозяину своей судьбы через по-настоящему эффективные ограничения для тех, кто находится у вла-

⁷ 15 июня 1976 г., когда болезнь Мао Цзедун обострилась, он позвал Хуа Гофэна (тогдашнего министра общественной безопасности, а впоследствии – преемника Мао на посту председателя ЦК КПК) и некоторых других и сказал им: «Мне сейчас за восемьдесят, и, когда люди стареют, им нравится думать о посмертных делах. <...> За всю свою жизнь я достиг двух вещей. Одной из них является борьба против Чан Кайши в течение нескольких десятилетий, изгнание его на несколько островов и ведение восьмилетней войны сопротивления японскому вторжению, которое вынудило японцев вернуться в свои дома. По этому вопросу разногласий мало. <...> Другое дело, о чем вы все знаете, осуществление культурной революции. Не так уж много людей поддерживают ее, и довольно много людей против. Эти два дела еще не завершены, наследие будет передано следующему поколению. Как его передать? Если не мирным путем, то возникнет беспорядок, и если не справиться, то будут зловонный ветер и кровавый дождь. Что вы собираетесь делать? Только небесам известно: Mao Zedong's “Political Testament”: I Did Two Things in My Life (with photos) (2011) // Chinanews.com, October 26, 2011 // <https://www.chinanews.com.cn/cul/2011/10-26/3416446.shtml>, дата обращения 10.10.2025 (на китайском).

сти. Неограниченная власть приводит к злоупотреблению властью, и как только к власти приходят сторонники капиталистического пути, начинается разрушение системы. <...>

Поэтому, если мы хотим извлечь уроки из распада Советского Союза, то, помимо постоянного повышения уровня производительности посредством коллективной мудрости и практических исследований, самое главное – не допустить предательства дела социализма высшими руководителями, а также не допустить разрастания бюрократического привилегированного класса, несовместимого с социалистической системой. Это самая большая задача и вызов будущего социалистического строительства» [Лу 2025, «Выводы», с. 274].

В конечном счете социализм более конкурентоспособен: издержки многочисленных негативных последствий высокого неравенства доходов, таких как большая социальная напряженность, высокая преступность и слабый институциональный потенциал государства с течением времени становятся больше, чем выгоды от высокой нормы сбережений и инвестиций, которые делали капитализм конкурентоспособным в течение 500 лет [Поров 2014].

Новый социализм не обязательно будет означать полную ликвидацию рынков и частной собственности, но, скорее всего, существенно ограничит и то, и другое ради достижения более низкого неравенства доходов. Китайская модель, основанная на азиатских ценностях, на примате общественных интересов над частными, сегодня оказывается более конкурентоспособной, чем либеральная западная модель, базирующаяся на «неотъемлемых» правах человека [Понов 2025].

Отсутствие готовности ограничить права человека в самых разных областях (отказ от прогрессивного налогообложения и активного регулирования доходов, ведущего к росту неравенства; нерешительность в ограничении выбросов парниковых газов в самих богатых странах; неспособность в борьбе с популизмом в медиапространстве и в политике) стимулирует внутренние конфликты, снижает конкурентоспособность и вызывает отставание от стран, более решительно ограничивающих права индивидуумов ради общего блага. Либеральный Запад испытывает нарастающие трудности и начинает проигрывать коллективистской Восточной Азии, мусульманскому Востоку и отчасти Южной Азии в экономическом и социальном прогрессе. Поэтому китайская модель, если только в ее рамках удастся поставить под контроль элиту, станет непобедимой.

«Хотя крах Советского Союза и большинства других социалистических стран обошелся дорого и имел далеко идущие последствия, он не означал конца социалистического движения, – заключает Лу Айго. – Это следует рассматривать как серьезный шаг назад на пути человеческого общества вперед. Внутренние противоречия капиталистической системы непреодолимы, ее модель развития неустойчива, а стремление человечества к лучшему обществу не прекратится. Сможет ли социализм стать реальностью в будущем, зависит главным образом от того, смогут ли прогрессивные силы мира открыть для себя такой путь развития, который сможет не только устранить поляризацию, неравенство, войны, человеческое отчуждение и т. д., вызванные капиталистической системой, но и извлечь уроки из краха Советского Союза и других социалистических стран на практике, тем самым обеспечив институциональные гарантии для подлинной реализации человеческого самоосвобождения, и в конечном счете превратить коммунизм из идеала в реальность» [Лу 2025, «Предисловие», с. 8].

Список источников

- Ильф И., Петров Е. (1961) Собрание сочинений в 5 т. Т. 4. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Ленин В.И. (1970) Полное собрание сочинений. 5 изд. М.: Политиздат.
- Лу Айго (2025) Советский Союз. Причины распада и уроки. Пекин: Саньянь шу дянь (на китайском).
- Попов В.В. (2007) Почему снижались темпы роста советской экономики в брежневский период // Неприкосновенный запас. № 2 (52). С. 15–27 // http://www.intelros.ru/readroom/nz/2_52/1281-pochemu_snizhalis_tempy_rosta_sovetskoi_jekonomiki_v_brezhnevskijj_period.html, дата обращения 10.10.2025.
- Попов В.В. (2014а) Российская экономика после социализма: по существу и в восприятии населения // Мир перемен. № 4. С. 45–54 // <http://www.imeri-eurasia.ru/mir.php#porov414>, дата обращения 10.10.2025.
- Попов В.В. (2014б) Памяти Николая Петровича Шмелева // Знамя. № 3. С. 236–240 // <https://znamlit.ru/publication.php?id=5520>, дата обращения 10.10.2025.
- Попов В.В. (2021) А был ли коллапс? // Историк. № 1 (73). С. 22–27 // <https://xn--h1aagokeh.xn--plai/journal/post/6418>, дата обращения 10.10.2025.
- Попов В.В. (2025) Китайская модель. Почему Китай раньше отставал от Запада, а теперь его обгоняет. М.: Fortis Press.
- Denisova I. et al. (2012) Everyone Hates Privatization, but Why? Survey Evidence from 28 Post-communist Countries // Journal of Comparative Economics, vol. 40, no 1, pp. 44–61 // <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0147596711000679>, дата обращения 10.10.2025.
- Gentzkow M., Shapiro J.M. (2010) What Drives Media Slant? Evidence from US Daily Newspapers // Econometrica, vol. 78, no 1, pp. 35–71 // <https://web.stanford.edu/~gentzkow/research/biasmeas.pdf>, дата обращения 10.10.2025.
- Grote J., Popov V. (2018) The Causes of Political Misperceptions: Suggestions for Research // MPRA Paper No. 90974, December 2018 // https://mpra.ub.uni-muenchen.de/90974/3/MPRA_paper_90974.pdf, дата обращения 10.10.2025.
- Jacobson G. (1978) The Effects of Campaign Spending in Congressional Elections // The American Political Science Review, vol. 72, no 2, pp. 469–491. DOI: 10.2307/1954105
- Lu A. (1999) China and the Global Economy Since 1840, New York: St. Martin's Press.
- Maddison A. (2020) Maddison Project Database, version 2020 // Maddison Style Estimates of the Evolution of the World Economy. A New 2020 Update (eds. Bolt J., Luiten van Zanden J.).
- Popov V. (2014) Socialism Is Dead, Long Live Socialism! // MPRA Paper No. 54294, March 2014 // <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/54294/>, дата обращения 10.10.2025.
- Popov V. (2018) Mortality and Life Expectancy in Post-Communist Countries // The New Economic School, June 5, 2018 // <https://pages.nes.ru/vpopov/documents/Mortality%20and%20life%20expectancy%20in%20post.pdf>, дата обращения 10.10.2025.
- Popov V. (2020) Which Economic Model Is More Competitive? The West and the South after the Covid-19 Pandemic // Seoul Journal of Economics, vol. 33, no 4, pp. 505–538. DOI: 10.22904/sje.2020.33.4.002
- Stiglitz J. (2012) The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future, New York: W.W. Norton & Co.
- Zuo Fengrong (2022) A Review of Chinese Scholarship on the Collapse of the Soviet Union // Issues of Contemporary World Socialism, February 5, 2022 // https://interpret.csis.org/original_source/issues-of-contemporary-world-socialism/, дата обращения 10.10.2025 (на китайском).

Why Soviet Socialism Collapsed?

Book review: Lu A. (2025) *The Soviet Union. The Reasons for the Breakup and the Lessons*, Beijing: Sanlian Shu dian (in Chinese).

V.V. POPOV*

*Vladimir V. Popov – DSc in Economics, Chief Researcher, Central Economics and Mathematics Institute (CEMI) Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russian Federation; vpopov@nes.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0428-3725>

Citation: Popov V.V. (2026) Why Soviet Socialism Collapsed? *Mir Rossii*, vol. 35, no 1, pp. 184–200 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2026-35-1-184-200

Abstract

There is no shortage of research in China on the collapse of the USSR and Soviet socialism. Most often, experts identify the shortcomings of the Soviet model—slowing economic growth, declining efficiency, loss of social dynamism, and declining life expectancy—in other words, they point to the objective factors that prove the collapse of the Soviet Union was no accident.

Against this backdrop, Lu Aiguo's book "The Soviet Union: Causes of Collapse and Lessons" stands out. The author notes that problems in the USSR always existed, even more so in the 1930s, not to mention the period of the Great Patriotic War, but that neither the collapse of the country nor the loss of power by the Communist Party occurred then. The book argues that it was not the Communist Party of the USSR that lost popular support, but rather the people who lost control over the leadership of the Communist Party and the state. The author's main idea is that socialism is by definition a society with low inequality, where the standard of living of the state and business elite is always lower in comparison with capitalist countries of the same level of development, so special mechanisms are needed to ensure that the elite acts in the best interests of the majority of the population.

Keywords: *Soviet socialism, collapse of the USSR, lessons for China, economic competition between socialism and capitalism, public opinion and elites in democracies and autocracies*

References

- Denisova I. et al. (2012) Everyone Hates Privatization, but Why? Survey Evidence from 28 Post-communist Countries. *Journal of Comparative Economics*, vol. 40, no 1, pp. 44–61. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0147596711000679>, accessed 10.10.2025.
- Gentzkow M., Shapiro J.M. (2010) What Drives Media Slant? Evidence from US Daily Newspapers. *Econometrica*, vol. 78, no 1, pp. 35–71. Available at: <https://web.stanford.edu/~gentzkow/research/biasmeas.pdf>, accessed 10.10.2025.
- Grote J., Popov V. (2018) *The Causes of Political Misperceptions: Suggestions for Research*. MPRA Paper No. 90974, December 2018. Available at: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/90974/3/MPRA_paper_90974.pdf, accessed 10.10.2025.

The article was received in June 2025.

- Ilf I., Petrov Ye. (1961) *Collection of Works*, in 5 volumes. Vol. 4, Moscow: State Publishing House of Fiction (in Russian).
- Jacobson G. (1978) The Effects of Campaign Spending in Congressional Elections. *The American Political Science Review*, vol. 72, no 2, pp. 469–491. DOI: 10.2307/1954105
- Lenin V.I. (1970) *Completed Works*, 5th edition, Moscow: Politizdat (in Russian).
- Lu A. (1999) *China and the Global Economy Since 1840*, New York: St. Martin's Press.
- Lu A. (2025) *The Soviet Union. The Reasons for the Breakup and the Lessons*, Beijing: Sanlian Shu dian (in Chinese).
- Maddison A. (2020) Maddison Project Database, version 2020. *Maddison Style Estimates of the Evolution of the World Economy. A New 2020 Update* (eds. Bolt J., Luiten van Zanden J.).
- Popov V.V. (2007) Why Growth Rates of the Soviet Economy Fell in the Brezhnev Period. *Emergency Reserve*, no 2 (52), pp. 15–27. Available at: http://www.intelros.ru/readroom/nz/2_52/1281-pochemu_snizhalis_tempy_rosta_sovetskijj_ekonomiki_v_brezhnevskijj_period.html, accessed 10.10.2025 (in Russian).
- Popov V.V. (2014) Socialism Is Dead, Long Live Socialism! *MPRA Paper No. 54294*, March 2014. Available at: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/54294/>, accessed 10.10.2025.
- Popov V.V. (2014a) Russian Economy after Socialism: In Essence and in the Perception of the Population. *World of Changes*, no 4, pp. 45–54. Available at: <http://www.imepi-eurasia.ru/mir.php#popov414>, accessed 10.10.2025 (in Russian).
- Popov V.V. (2014b) In the Memory of Nikolai Shmelev. *Znamya*, no 3, pp. 236–240. Available at: <https://znamlit.ru/publication.php?id=5520>, accessed 10.10.2025 (in Russian).
- Popov V.V. (2018) Mortality and Life Expectancy in Post-Communist Countries. *The New Economic School*, June 5, 2018. Available at: <https://pages.nes.ru/vpopov/documents/Mortality%20and%20life%20expectancy%20in%20post.pdf>, accessed 10.10.2025.
- Popov V.V. (2020) Which Economic Model Is More Competitive? The West and the South after the Covid-19 Pandemic. *Seoul Journal of Economics*, vol. 33, no 4, pp. 505–538. DOI: 10.22904/sje.2020.33.4.002
- Popov V.V. (2021) Was There a Collapse? *Historian*, no 1 (73), January, pp. 22–27. Available at: <https://xn--h1aagokeh.xn--plai/journal/post/6418>, accessed 10.10.2025 (in Russian).
- Popov V.V. (2025) *The Chinese Model: Why China Used to Lag Behind the West and Is Now Overtaking It*, Moscow: Fortis Press (in Russian).
- Stiglitz J. (2012) *The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future*, New York: W.W. Norton & Co.
- Zuo Fengrong (2022) A Review of Chinese Scholarship on the Collapse of the Soviet Union. *Issues of Contemporary World Socialism*, February 5, 2022. Available at: https://interpret.csis.org/original_source/issues-of-contemporary-world-socialism/, accessed 10.10.2025 (in Chinese).